

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 8 de enero de 1959

Буэнос Айрес, четверг 8 января 1959 года № 468

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

101. СМУЩЕННЫЙ ПРОВАЛОМ МАО-ТЗЕ ХРУШЕВ УГРОЖАЕТ ЗАПАДУ ВОЙНОЙ. — ЗАГАДКА ГЕНЕРАЛА-ЧЕКИСТА ИВ. АЛ. СЕРОВА. — СНОВА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ. — В ЧЕМ ОБВИНЯЮТ ОФИЦИАЛЬНО Б. Л. ПАСТЕРНАКА? — НАГРАЖДЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ Ю. Н. ЛИБЕДИНСКОГО. — СМЕРТЬ ПАРТИЙНОГО ПАЛАЧА П. И. ДМИТРИЕВА И МАСТИТОГО ПИСАТЕЛЯ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО.

В прошлой моей статье я писал о том, как напуганный дружным отпором западных союзников Хрущев решил заморозить на полгода свою новую берлинскую авантюру; теперь же должен констатировать, что он снова принимает угрожающий тон. Это я объясняю тем, что его напугало неожиданное падение его же собственного соперника Мао Тзе, который отказывается по решению ЦК своей партии выставить вновь свою кандидатуру на очередных “перевыборах” китайского “президента”. Отношения между Мао Тзе и Хрущевым оставляли желать лучшего; 65-летний китаец претендовал на роль “преемника” Сталина по руководству мировым коммунистическим движением; поэтому он резче Хрущева нападал на Тито, осуждал украдкой политику “десталинизации” под видом “борьбы против культа личности”, якобы выражал исподтишка сочувствие павшему Молотову, хотя я лично не верю, чтобы он решился официально его поддержать; поэтому Хрущев был бы рад провалу его попыток немедленного введения сельскохозяйственных коммун в Китае и сознательно толкал его на опасный военный конфликт с Соед. Штатами.

Мао Тзе, однако, струсил и не решился только на нападение на американскую эскадру, но и прекратил обстрел занятых националистами прибрежных островов. Таким образом, вся авантюра с угрозами ликвидации “национального Китая” на Формозе закончилась благодаря спокойной твердости американской дипломатии полным и конфузным провалом. Это нанесло большой удар популярности Мао Тзе в рядах ЦК китайской компартии, что еще усугубило недовольство его последними мероприятиями по немедленному переводу всего многомиллионного населения деревень на казарменное положение коммун. Формально Мао Тзе, якобы перегруженный по работе главы партии, не может одновременно возглавлять правительство. Но, нельзя ли то же сказать и про Хрущева, который захватил в руки пост премьера, оставаясь по-сталински и во главе ЦК партии? Поэтому Хрущеву очень не хочется отступать в берлинском вопросе, им же поднятом, как отступил Мао Тзе перед твердой политикой Соед. Штатов в вопросе о прибрежных занятых националистами островах. Пока Хрущев еще только переходит на словесные угрозы, не решаясь на прямые действия против западных гарнизонов Берлина и их земных и воздушных сообщений с западным миром. Наиболее наглые угрозы даны в длинном “Сообщении ТАСС” от 12 декабря, где резко отрицается право западных союзников держать в Берлине гарнизоны, они обвиняются в превращении Берлина в “аванпост” агрессии против Восточной Германии и против СССР; предложение о проведении свободных выборов по всей Германии названо “старой затертой до хрипоты пластинкой, которая нагоняет сон даже на тех, кто обычно терпеливо выслушивает” западных дипломатов.

Самые резкие нападки адресованы Англии, которую обвиняют в намерении “присоединить всю Германию к НАТО придвинуть свои гарнизоны на 200 миль дальше на Восток в направлении России!” Аденауэр “тащит за фалды руководящих деятелей западных держав” к тому, чтобы “в Германии вновь запылало пламя военного пожара”. При нарушении сообщений с Берлином союзники угрожают пустить в ход танки, но тогда “попытка силой прорваться в Берлин” означает мировую войну “с применением всех новейших средств уничтожения вплоть до ядерного и ракетного оружия”, которое СССР немедленно пустит в ход.

Весь этот воинственный тон рассчитан на испуг Запада, который, однако труднее напугать теперь после трусливого отступления СССР в конце 1957 г. перед твердой позицией Турции, затем нового отступления при высадке англо-американцев в Ливане и Иордании и, наконец, после еще более позорного отступления Мао Тзе, ничего не добившегося после многодневной бомбардировки прибрежных островов и не рискувшего ни на налет на американскую эскадру, ни на попытку высадки десанта на этих островах.

Но внутреннее положение не позволяет Хрущеву рискнуть на серьезный конфликт с Западом, на который не посмел пойти Мао Тзе. Странная “загадка Серова” говорит о более ожесточенной борьбе в Кремле, чем мы это предполагаем.

9-го декабря опубликовано в самом конце последней страницы всех газет в хронике такое сообщение: “Президиум Верховного Совета СССР освободил генерала армии Серова Ивана Александровича от обязанностей председателя Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР в связи с переходом на другую работу”. Это краткое сообщение надо разобрать, не приходя к опрочечивым заключениям. Сегодня я получил два письма, в которых меня спрашивают о правдоподобности сообщения “Нового Русского Слова” о переходе в СССР с празднования воскресенья на субботу. Могу посоветовать моим друзьям читать, вместо “Нового Русского Слова”, лучше “Нашу Страну”, где не сообщают таких глупых сенсаций, вызванных невнимательным чтением сотрудниками “Н.Р.С.” советской печати. Там действительно, чтоб украсть у трудящихся “праздник Сталинской Конституции” — 6-ое декабря, приходящийся в этом году на субботу, постановили в Совете Министров СССР, “идя навстречу пожеланиям трудящихся, перенести в 1958 году день отдыха с воскресенья 7 декабря на субботу 6 декабря”. Такие постановления принимались не раз, когда советские праздники приходились на дни, близкие к воскресенью — субботу или понедельник; не разобравшись в этом, наши коллеги из “Нов. Русского Слова” решились сообщить о переносе вообще дня отдыха на субботу, что вы-

звало запрос ко мне моих друзей-читателей.

Но вернемся к незадачливому сейчас чекисту. Несомненно, что его постигла опала. Если бы он получил более высокий пост — например, заместителя премьера, то не было бы основания это от нас скрывать. Если ему дали секретное поручение, даже связанное с выездом за границу, то тем более не следовало привлекать к нему внимания, а просто сказать не встречающим его на банкетах журналистам, что генерал на ходится в отпуску, как Хрущев раз сказал журналистам по поводу отсутствия Сулова, что он купается в Черном море. Более всего меня поражает, что не говорится о назначении ему преемника, как это всегда делается в советской практике. Ведь нельзя же полагать, что этот важный пост решено оставить незаменным. Скорее можно думать, что пришлось оповестить партию и население о его падении, скрывая, по неясным для меня причинам, мотивы его “перевода на другую работу” и фамилию его преемника. Возможно что назначение последнего Хрущевым встречает открытую оппозицию в ЦК и приходится искать какую-то компромиссную фигуру. Мне представляется более вероятным что он обвинен в потворстве оппозиционерам из “антипартийной группы”, как в свое время сначала обвинял Сталин Ягуду, который потом был объявлен их сообщником. Но и Сталин глал, и Хрущев жлет. Если бы в 1936-39 г. все в ЦК и в ОГПУ-НКВД, и все маршалы и генералы были против Сталина, то они бы его тогда свергли. Если, еще в 1953 г., Берия, Маленков, Молотов, Каганович, маршал Жуков и даже Серов были бы против Хрущева, то его стерли бы в порошок. Сейчас начинают все чаще сближать имя не только Молотова и Маленкова, но и Булганина с именем Берия, что для всех них весьма опасно. Вспомним, что когда “сняли с поста Наркома Внутренних Дел СССР “генерального Комиссара Государственной Безопасности” Генриха Григорьевича Ягуду, то никаких обвинений ему не предъявлялось и арестован он был много позднее. Вероятно, в следующий раз смогу об этом написать более точно и достоверно, проверив последние слухи об аресте в Ставрополе Булганина, якобы отправленного “со спецконвоем” в спальном вагоне в Москву.

Зато уже сейчас не подлежит никакому сомнению рост продовольственных затруднений даже в Москве и Ленинграде. ЦК партии молчит о сказочно быстром росте продукции молока, масла и мяса, по производству которых обещали уже столько раз перегнать Соед. Штаты, но кричит о необходимости обеспечить население овощами, как это неоднократно происходило на моих глазах, когда наступали затруднения с мясо-молочными продуктами и население бросалось с голоду на картошку, репу; брюкву, огурцы и помидоры. Вот и теперь, 11-го декабря пленум Московского Обкома обсуждает доклад 1-го секретаря Ив. Вас. Капитанова о “производстве картофеля и овощей совхозами Московской области”.

Он сообщил о создании нового громадского аппарата “Московского треста Овощекартофелеводческих совхозов”; ему подчинены восемь особых картофельных совхозов, 4 овощных и 23 картофелеовощных, которые через 2 года обеспечат столицу круглый год вкусными и дешевыми овощами, чего за 41 год не смогла сделать правящая партийная клика даже в столице. Проф. В. И. Эдельштейн и член Академии Сел.-Хоз. Наук Е. И. Ушакова “давали

Н а ш а ц е л ь — восстановление русской Монархии. Но не Монархии “вообще”, а такой, при которой не было бы царей и цариц, при которой “высший свет” не клеветал бы на Царя и Царицу, при которой генералы не изменяли бы присяге и “народные представители” не орали бы о “глупости и измене”, при которой были бы невозможны ни 1917-ый, ни 1905-ый годы, при которой у нас с вами была бы свобода личности, труда и прочего, при которой Церковь не управлялась бы обер-прокурорами, при которой нация не была поделена на “черную и белую кость...”

Это не “новомонархизм”. Это — древнемонархизм.

Ив. Солоневич

советы” членам обкома, как лучше выращивать картошку и овощи.

В тот же день Бюро ЦК по РСФСР и Совет Министров приняли постановление “об обеспечении Ленинграда” теми же скромными продуктами с созданием “специализированных совхозов” вокруг города. Для них будет освоено 30 тыс. гектаров болотистых земель, орошено 6 тыс. гектаров, построены парники на 180 тыс. рам, овощехранилища на 56 тыс. тонн. Все это даст через два года населению круглый год вкусные и дешевые овощи, которые до революции всегда имелись в изобилии. Мне, впрочем, приходит в голову, что эти мероприятия по обеспечению обеих столиц прежней России растущими на самых подступах к этим горкам овощами и их хранилищами не вызваны ли военными соображениями; при перерыве всех сухопутных и водных путей подвоза эти мероприятия могут обеспечить овощами осажденные города и тогда не вымрет около миллиона ленинградцев, как это случилось в прошлую войну. Но, несомненно, что правительство и партия хотят накануне чрезвычайного съезда партии показать населению, что стараются обеспечить его, хотя бы дешевой картошкой и достаточным количеством огурцов и репы с брюквой, если уж не могут дать ему дешевых мясopодуков в достаточном для столичного населения количестве и ассортименте.

Советская печать все же не забывает лягнуть и Дудинцева и, особенно, Пастернака. На открывшемся в Москве, в присутствии всех членов президиума ЦК с Хрущевым во главе, учредительном Съезде Писателей РСФСР любимец Хрущева, беспартийный формально Леонид Соболев, заявил в своем докладе 7 декабря, что “печальные сенсации 1956 г. были подняты на щит врагами коммунизма... агенты идеологической контрразведки империализма(?) договорились до утверждений, что в русской литературе существовали лишь 3 великих писателя: Лев Толстой, Достоевский и автор сенсационной книжки о страданиях советского изобретателя... (т.е. Дудинцев)”. О Пастернаке он сказал: “Тот, кто, живя с нами десятки лет, не хотел видеть ни народа, ни его пути, кто с цинической откровенностью спрашивал в форточку: какое у нас тысячелетие на дворе? тот в самоуверенности своими писаниями дошел до крайней патологии индивидуализма и дал в руки врагам не ахти какое художественное но все же литературное оружие, сознательно передав в руки агентов Холодной войны литературный материал антисоветского антинародного свойства... Как бы ни плакал о будто бы погибшей в революции русской интеллигенции Пастернак, как бы ни клялся он в своей любви к ней — называть себя русским интеллигентом он не имеет оснований.

Поэтому предательство его не марает чести подлинной русской интеллигенции... В этом месте доклада по знаку Хрущева, до того не очень внимательно слушавшего доклад Соболева, зааплодировал весь зал, как это отметили иностранные корреспонденты.

Но советские писатели и партийцы чувствуют себя в очень глупом положении, ругая Пастернака, не зная, что же собственно он написал. Им нельзя сообщать те жуткие и хорошо всем в России знакомые картины советской жизни, которые он так правдиво и ярко описал; нельзя сказать, какие суждения он влагает в уста своих героев, что из советской жизни вызывает их суровую и справедливую критику. Поэтому «Новый Мир» опубликовал в только что мною полученном № 11 за ноябрь 1958 года составленное несомненно теперь задним числом письмо редакции «Нового Мира», якобы посланное Пастернаку еще в сентябре 1956 г. тогдашними его редакторами: Борисом Агаповым, Борисом Лавреневым, Константином Фединим, Константином Симоновым и А. Кривицким. О том, что письмо это написано теперь, а не тогда, ясно из самого обращения к Пастернаку: «Борис Леонидович». В 1956 г. не было еще основания не называть известного писателя «Многоуважаемый».

В этом письме надо было обругать Пастернака не за яркие картины мерзостей советского режима; поэтому его обвиняют в... идеализации дореволюционной России. Бедного Бориса Леонидовича постигла трагическая судьба всех либеральных старых хулителей нашей монархии и воспевателей революции, которых Демьян Бедный назвал социал-предателями и соглашателями; став на баррикаду революции, хотя бы Февральской, они попадают под удары с обеих сторон: я упрекаю его за лживое изображение Царя-Мученика и презрительно-жалостливый тон в отношении Государя; а редакторы «Нового Мира» считают главным его грехом идеализацию русской монархии, при которой «весьма идиллические капиталисты жертвуют на революцию и живут по совести, интеллигенция ощущает полную свободу духа и независимость своих суждений от бюрократической машины царского режима, бедные девушки (подразумевается Лара) находят богатых и бескорыстных покровителей, а сыновья мастеровых (Антипов) и дворников (Галиулин) без затруднения получают образование... нет представления, почему революция сделалась неизбежной...» Прожив уже полтора десятка лет на Западе, я при чтении романа не учел одной очень опасной в нем для большевизма особенности: он страшен не столько тем, что читатели находят в нем все гадости и подлости большевизма, которые они и без романа видят своими глазами, но гораздо более тем, что в отличие от написан-

ных по партийному заказу мемуаров и романов там нет выдуманных «ужасов царского режима»; поэтому для молодого советского читателя картина жизни «при царе» кажется много привлекательней того, что она сама видит и переживает. Бедная девушка Лара не должна доноситься и флиртами с партийцами добиваться образования, сын татарина-дворника Галиулин не посылается в зимнюю стужу на Сибирскую целину, а становится храбрым офицером Императорской армии, а затем по своим политическим убеждениям едет в Сибирь, где командует с успехом воинской частью армии адмирала Колчака. Поэтому правы редакторы «Нового Мира», когда говорят, что по роману революция, даже Февральская, была совсем не нужна для народа, которому Октябрьская принесла одни страдания, лишив его той свободы, которую он имел при Царе.

Отсюда обвинители Пастернака делают ему неожиданный и курьезный упрек: он виноват, как и его герой Живаго, в том, что... не принял участия в Белом движении! «В те суровые годы, потребовавшие самых разнообразных жертв не только от людей, защищавших революцию, но и от врагов, борющихся с оружием в руках против нее, ищущие истину одиночки (доктор Живаго) оказались «высокоодаренными обывателями»...» В Москве оказалось голодно, холодно и трудно и вот «ищущая истину одиночка» (все тот же Живаго) превращается в интеллигентного мешочника... до забвения того, что он врач, до сокрытия этого в годы всенародных бедствий, болезней и эпидемий...» Пастернака упрекают в апологии бездушного эгоизма доктора Живаго, который из ненависти к лишившему его личного комфорта режиму, был сторонником Белого движения, но из трусости не хотел принимать в нем участия, хотя бы военным врачом. Доктора Живаго захватили партизаны, не имевшие врача, чтоб получить для своих раненых медицинскую помощь, а доктор от них при первой возможности удрал искать свою семью и одновременно любимых им жену Тоню и любовницу Лару, бросив без медицинской помощи своих раненых, чего врач не должен делать даже, если не сочувствует режиму, за который этот отряд сражается. Из всего романа советским читателям приводится полностью лишь одна глава — о поведении Живаго при перестрелке его красных партизан против отряда колчаковцев, которым он явно сочувствует:

«Это были студенты-первокурсники и гимназисты-восьмиклассники... недавно записавшиеся в добровольцы... их выразительные привлекательные лица казались своими, близкими... они шли рассыпанным строем, во весь рост, превосходя выправкой кадровых гвардейцев, не прибегая к перебежке и залага-

нию на поле... пули партизан почти по-ловольно их косили... шевельнулась мысль выбежать к ним на поляну и сдаться... но шаг был рискованный, сопряжен с опасностью...» Далее говорится, что доктор нашел на убитом коммунисте-партизане и на раненом колчаковце тот же самый зашитый в ладонку 90-й псалом Царя Давида; затем он передел раненого юношу-колчаковца в форму партизана, вылечил его и помог ему бежать, чтоб снова храбро сражаться против большевизма. «Итак, на протяжении короткого отрезка времени Ваш герой, — пишет Пастернак в этом письме, — проходит сложный путь многократного предательства: он сочувствует белым и доходит в своем сочувствии к ним до желания перебежать; не решившись сделать это он стреляет сначала вообще, а потом по тем самым белым, которым он сочувствует. Потом он испытывает чувство жалости уже не к белым, а к красному телефонисту, которого убили эти белые; вслед за этим он сочувствует убитому им белогвардейцу, спрашивает себя: «зачем я его убил?», а когда выясняется, что он не убит, а только контужен, прячет его, выдает за партизана и, оставаясь сам у красных, отпускает его, зная от него самого, что тот вернется в ряды колчаковцев и будет драться с красными. Так поступает Ваш доктор Живаго, вселяя к себе этим тройным, если не четырехкратным предательством чувство прямого отвращения у всякого душевно здорового человека, отбросим даже различия в политических взглядах, просто у субъективно честного человека, хоть раз в жизни оценившего свою совесть дороже своей шкуры! А ведь Вы всей силой своего таланта стремитесь эмоционально оправдать в этой сцене Живаго и приходите к апологии предательства».

Конец доктора Живаго, по словам безбожных советских критиков, должен по намерениям Пастернака, уподобить его Крестному Пути Христа Спасителя. Ведь в стихах Пастернака Спаситель говорит апостолам:

Вас Господь сподобил
Жить в дни мои...

А в романе Юрий Живаго говорит перед своим концом своим друзьям: «Единственное яркое в вас — это то, что вы жили в одно время со мной и знали меня».

Тут снова хитрый прием советских критиков: зная, что читатели проникших в Россию подпольно экземпляров романа, прочитав религиозные стихи, могут принять Пастернака за христианина, они внушают мысль, что автор еврей кошунственно уподобляет трусливого интеллигента-троеженца Живаго Самому Господу Иисусу Христу!

Цитируя его споры с «приспособившимся к большевизму» Гордоном и «перекованным» в концлагере Дудоровым, Юрий Живаго награждает их «по-

смертным плевком», что вызывает бешенство редакторов «Нового Мира», которые чувствуют этот плевком Живаго и самого Пастернака на своих бесстыдно откормленных милостями Сталина и Маленкова, Булганина и Хрущева лицах. Они говорят в заключение:

«Вы написали роман сугубо и, прежде всего, политический — роман-повесть. Вы построили его, как произведение откровенно и целиком поставленное на служение определенным политическим целям. Это самое главное для Вас, естественно, стало предметом главного внимания и для нас».

Обвинители отказываются судить о романе с точки зрения его литературных достоинств, но мимоходом замечают: «есть в романе немало первоклассно написанных страниц, где Вами поразительно точно увидена (? вот уж язык у этих пяти советских писателей!) и запечатлена русская природа. Есть в нем и немало откровенно слабых страниц, лишенных жизни, иссушенных диактикой». Напомнив Пастернаку слова Лары Юрию Живаго: «Раньше вы судили о революции не так резко, без раздражения», — обвинители говорят Пастернаку, что это раздражение видно в его романе, но его раздражение — «спутник его обреченных на гибель идей», и советуют ему задуматься над своим будущим. Никаких заключительных фраз уважения не пишут они, чего бы не было, если бы письмо было действительно написано два года назад, когда еще и речи еще не было о травле Пастернака. Можно было ему отказать в помещении его рукописи, но не стала бы редакция в полном составе писать ему письмо с разбором его политических высказываний, которое теперь заняло в «Новом Мире» 14 страниц печатного текста. Ясно, что письмо написано сейчас, чтоб объяснить советским читателям причины запрещения опубликования в СССР романа, который за границей признан достойным Нобелевской премии. Нападки Леонида Соболева на Дудинцева и на Пастернака в докладе при открытии съезда писателей РСФСР показывают, что эти авторы еще пользуются популярностью, а потому нельзя прекращать поднятую против них кампанию клеветы. Книга Пастернака признана особенно опасной в первой своей части, где описанная им жизнь не только интеллигентов, но и рабочих и их детей при Царе покажется привлекательной особенно молодому советскому читателю; он ведь видит только советскую действительность, которая много хуже жизни в Императорской России.

Наряду с преследованиями независимых от партийной укаски писателей награждаются реабилитированные жертвы ежовщины: так 9-го декабря награжден по случаю 60-летия отравительный писатель-партиец Юрий Нико-

И. СОЛОНЕВИЧ

№ 39

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

— Да.

— Хорошо. Если вы будете действовать честно если вы этими списками не воспользуетесь для каких-нибудь комбинаций, — я ручаюсь вам, что ваш сын на БАМ не поедет. Категорически гарантирую. А почему бы, собственно, не поехать на БАМ и вам?

— Статьи не пускают.

— Это ерунда!

— И потом, вы знаете, на увеселительную прогулку это не очень похоже.

— Ерунда. Не в теплушке же бы вы поехали, раз я вас приглашаю.

Я в изумлении воззрился на Чекалина и не знал, что мне и отвечать.

— Нам нужны культурные силы, — сказал Чекалин; делая ударение на «культурные». — И мы умеем их ценить. Не то, что ББК.

В пафосе Чекалина мне послышались чисто ведомственные нотки. Я хотел спросить, чем собственно я обязан чести такого приглашения, но Чекалин прервал меня:

— Ну, мы с вами еще поговорим. Так, значит, списки я послезавтра там найду. Ну пока. Подумайте о моем предложении.

Когда я вышел на улицу, мне, говоря откровенно, хотелось слегка приплясывать. Но, умудренный опытами всякого рода, я предпочел подвергнуть всю эту ситуацию, так сказать, «марксистскому анализу». Марксистский анализ дал вполне благоприятные результаты. Чекалину, конечно, я оказываю весьма существенную услугу: не потому, чтобы кто-то его стал бы потом попрекать штабелями трупов по дороге, а потому, что он был бы

обвинен в ротозействе: всучили ему, дескать, гнилой товар, а он и не заметил. С точки зрения советских работартовцев, да и не только советских — это промах весьма предосудительный.

СНОВА ПЕРЕДЫШКА

Общее собрание фамилии Солоневичей или «трех мушкетеров», как нас называли в лагере, подтвердили мои соображения о том, что Чекалин не подведет. Помимо всяких психологических расчетов, был и еще один. Связью со мной, с заключенным, использованием заключенного для шпионажа против лагерной администрации, Чекалин ставит себя в довольно сомнительное положение. Если Чекалин подведет, то перед таким «подводом» он, вероятно, подумает о том, что я могу пойти на самые отчаянные комбинации — ведь вот пошел же я к нему с этими списками. А о том, чтобы иметь на руках доказательства этой преступной связи, я уже позабочусь — впоследствии я об этом и позаботился. Поставленный в безвыходное положение, я эти доказательства предъявлю третьей части. Чекалин же находится на территории ББК. Словом, идя на все это, Чекалин уж должен был держаться до конца.

Все в мире — весьма относительно. Стоило развезаться очередной угрозой, нависавшей над нашими головами, и жизнь снова начинала казаться легкой и преисполненной надежд, несмотря на каторжную работу в УРЧ, несмотря на то, что, помимо этой работы, Чекалинские списки отнимали у нас последние часы сна.

Впрочем, списки эти Юра сразу усовершенствовал: мы писали не фамилии, а только указывали номер ведомости и порядковый номер, под которым в данной ведомости стояла фамилия данного заключенного. Наши списки стали срывать эшелоны. Якименко рвал и метал, но каждый сорванный эшелон давал нам некоторую передышку: пока подбирали очередные документы, мы могли отоспаться. В довершение ко всему этому, Якименко преподнес мне довольно неожиданный, хотя сейчас уже и ненужный сюрприз. Я сидел за машинкой и барабанил. Якименко был в соседней комнате.

Слышу негромкий голос Якименко — Товарищ Твердун, передал Юрия на Медгору, он на БАМ не поедет. Вечером того же дня, я улупутано поблагодарил Якименко. Сосмотрел на меня каким-то странным взглядом и сказал:

— Не стоит, товарищ Солоневич.

И опять уткнулся в бумаги.

Так и не узнал я, какую, с Якименко.

ДЕВОЧКА СО ЛЬДОМ

Жизнь пошла как-то глаже. Сидеть эшелоны, работы стало меньше. Я стал под сурдинку включать в себя уже по разу — или больше — стала беспросыпной. В этот период происшествие, в сущности, пустяк, боко врезавшееся в память.

На рассвете, перед уходом забором, во время обеда, перед нашим оборванных крестьянских ребят съедобные отбросы. Странно было видеть население, более нищего, чем свои полтора фунта хлеба мы полтора фунта фунтов не имели.

Нашим продовольствием заведовал и за обедом. Он же играл роль кова среди детворы. У нас была алюминиевая кастрюля, которая была попытка побега, а впоследствии у кастрюлю Юра собирал то, что о

лаевич Либединский. С 20-ти лет он в Красной армии был чекистом, с 23-х — коммунистом и политруком; 26-ти демобилизовался и стал писателем. Из его романов известны "Неделя", "Комиссары" и в 1930 г. — "Рождение героя". Он временами был близок к троцкистам, почему исчез в ежовщину и о нем с 1937 г. по 1957 г. не было слышно; потом стали упоминаться критиками эти его три забытых произведения, что означало его реабилитацию. Его награждение показывает, что он находится в некотором фаворе, хотя не слышно об его новых произведениях после этой пресловутой реабилитации.

29-го ноября умер один из мрачных сталинских палачей, сумевший удержаться на важном посту последние 14 лет своей жизни. Петр Ильич Дмитриев родился в 1894 г. и был учителем сельской школы. В феврале 1919 г. поступил в армию и, месяц спустя, в партию, что помогло ему избежать фронта, ибо он вместо этого 6 лет работал в политотделе армий; затем занимал партийные посты во Владимире и в Москве; в ежовщину был заместителем председ. исполкома в Москве, а в 1940 г. возглавил созданное в Москве орудие порабощения молодежи — управление трудовых резервов. Последние 14 лет жизни был председателем городской партийной комиссии, т.е. руководил наложением партийных взысканий на всех столичных коммунистов, исключая членов и кандидатов ЦК. Он умер в опале, ибо некролог подписан лишь работниками Обкома и Горкома, а не Хрущевым и Фурцевой, с которыми работал ряд лет, когда первый возглавлял Обком, а вторая — Горком советской столицы.

3-го декабря под Алуштой, на подаренной ему правительством даче, скончался на 84-м году жизни известный писатель Сергей Николаевич Сергеев-Ценский. Из его дореволюционных произведений известна повесть "Поручик Бабаев", из послереволюционных — роман "Преображение России" (1923 г.) и особенно 5-томная эпопея "Севастопольская страда", в которой он воспевает героизм русских офицеров, солдат и моряков в крымскую кампанию. В свое время это было одно из первых патристических произведений на фоне оплевывания партийными писателями былого русской армии и флота в борьбе против внешнего врага. Слабее его романы: "Тоголь исчезает ночью" и "Невеста Пушкина" из жизни этих писателей. В годы войны его патристический пыл был угоден партии, которая рекламировала его три романа: "Брусилловский прорыв" (1943), "Пушкоступают" (1944) и "Пушки заговорили" (1945). Затем он обещал партии эпопею из истории советского "сторительства", но обещание не было выполнено одряхлевшим писателем, посылавшим телеграммы на всякие съезды и конференции, но не покидавшим своей любимой Алушты, где он прожил последние 50 лет. Несмотря на сталинскую премию за "Севастопольскую страду" и умение ладить с московскими и местными властями, писатель не добился больших посмертных почестей; на гражданских похоронах беспартийного писателя, происходивших в день открытия в Москве Съезда Писателей, на котором его никто не вспомнил, от имени партии и правительства выступал первый секретарь Крымского Обкома Вас. Григ. Комяхов, а украинский писатель Ив. Ив. Нехода говорил от имени писателей Украины и Крыма. Писателя, по его желанию, похоронили в саду его живописной дачи, где он благополучно провел годы германской оккупации пользуясь покровительством сотрудничавшей с оккупантами Алуштинской городской управы и охотно принимая приезжавших в Алушту русских антибольшевистских журналистов; об этом можно поведать теперь, когда писатель уже ушел в тот мир, где на него не смогут покунуться кровавые лапы преемников "пропавшего без вести" мрачного чекиста-генерала от советских застенков Серова.

Алексей Ростов

Л. Башкирова

„ДОКТОР ЖИВАГО“

Что больше всего поражает в этой книге? Удивительная духовная свобода, к которой мы так не привыкли у современных писателей, особенно у подсоветских. Чувствуется, что творец этой книги говорит только то, что думает, и, наоборот, не говорит ничего, что ему органически чуждо и без чего до сих пор в Советском Союзе нельзя было не то что книги, а статьи написать. Однако судить о том, что там произошли перемены по этой книге было бы опрометчиво: она ведь там и не издана, да, вероятно, никогда и не будет издана. А сколько, может быть, еще на дне потайных ящиков письменных столов, в чемоданах, на чердаках и в корзинах по подвалам хранится таких произведений? Существование "внутренней эмиграции" официально признано теперь "держимордами" советской литературы. Вероятно, Пастернак не одинок; есть, вероятно, и другие писатели, произведения которых "до времени" таятся под спудом, а когда придет их время — явятся, как явился и "Доктор Живаго" — чудом! И не только явился — а потряс и ошеломил весь мир — вплоть до присуждения Нобелевской премии!

И думается, что этой премией отмечено не только одно это произведение этого автора, а, в его лице, как бы вся подсоветская литература — Русская с большой буквы, честная, незапятнанная, нестигающаяся, неподкупная. Это не детский лепет мягкой, любовной критики "родной партии" Дудинцева и не подхалимское оплевывание многого в прошлом России Паустовского, а гордый вызов, уничтожающий разгром самой идеи коммунизма. Политические убеждения — и высказывания — главного героя этого произведения убийственны для материалистической идеологии; но даже если бы автор согласился "подчистить" книгу и изменить наиболее однозвучные места, она от этого не стала бы более приемлемой в глазах советской литературы: уж слишком дух этой книги не созвучен заказу "социалистического реализма" и прочих атрибутов большевистской цензуры, тиски которой, как ложе Прокруста, давно, казалось бы, уже удушили всякое свободное и независимое творчество.

Произведение это настолько не похоже и на прежние произведения того же

автора, и на все то, что за последние 40 лет было написано и по эту, и по ту сторону рубежа о революции и советчине, что, читая его, все время думаешь: да полно, Пастернак ли это? Где надуманность, манерность, какая-то изощренность его прежнего творчества?

Конечно, судить о Пастернаке по его прежним произведениям довольно трудно: ведь за последние 20-25 лет он почти не печатался. Эти же годы — годы литературной зрелости — в нормальных условиях стали бы, без сомнения, самыми значительными годами его литературного творчества. Искусственный кляп лишил нас возможности следить за его литературным развитием и ростом, и поэтому "Доктор Живаго" до известной степени явился неожиданностью. Впрочем, при личном знакомстве Пастернак, повидимому, уже давно порадовал: во всяком случае все писатели, журналисты и просто люди, причастные к литературе или интересующиеся ею, с которыми мне приходилось встречаться, всегда отзывались о нем восторженно и ожидали от него большого в будущем.

Но откуда теперь эта простота, ясность, примиренность, глубина и цельность? И откуда самая форма этого произведения — романом даже не назовешь, это скорей какой-то эпос, былина, чем-то гомеровским веет от этих строчек. Нет в них злобы, ни осуждения, и никогда автор не унижается до примитивного черно-белого марафья, которое так свойственно — с разных точек зрения — и подсоветским, и зарубежным писателям. Эпос его хотя и следует извечным линиям всех эпосов, в то же время отдает чем-то экранным, некоей кинематографичностью. Отдельные сцены, а все произведение и состоит из таких отдельных сцен, уже так и просятся на экран. В некоторых из этих сцен есть даже некая незаконченность, резкие переходы от одного происшествия к другому, быстрая смена сцен, иногда с перерывами в несколько лет. Автор обрывает своих героев иной раз прямо-таки на полуслове; кадр вытесняется следующим, персонажи мелькают в разношерстном хороводе и в то же время все нити сходятся в одном клубке, и клубок этот крепко зажат в авторской руке. Пастернак — это опыт-

ный дирижер, у которого струны иногда и звучат в кажущемся разногласии, но только для того, чтобы потом сильнее слиться в гармонии последнего аккорда. Все ружья, даже самые третьестепенные, стреляют, хотя иногда и в самых неожиданных направлениях. Характерна в этом отношении эпизодическая Melle Fleury, которая вторично всплывает в самом конце книги, перед самым отъездом за границу (она швейцарка) и о которой говорится, что "она обогнала и пережила Живаго, не подозревая этого". И в этом есть какой-то скрытый смысл, как и во многом другом в этой книге.

Уже самое название заставляет нас рождаться: "Живаго", что-то живое чувствуется. Но ведь главный герой этой книги — человек, смертный, смерть которого и составляет заключительную сцену самой книги (далее следует эпилог из времени после Второй Мировой войны). Человек-то смертен, но дела его, мысли, дух — бессмертны. В этом смысле бессмертен и доктор Живаго — и своими статьями и брошюрами и стихами, в которых выражены его идеи — и в своих детях. А детей у него несколько: сын и дочь от жены Тони, уезжающей за границу, дочь *) от любимой женщины — Лары, о которой очень мало говорится в самой книге, и которая выступает только в эпилоге, и две девочки от последней жены — Маринки, дочери дворника. Во всем этом опять-таки какой-то глубокий смысл: старшие сын и дочь уезжают вместе с матерью и бабушкой (профессором) за границу в начале 20-х годов, когда большевики выселяют целую плеяду видных писателей, общественных деятелей и профессоров. И так сын Живаго — единственный — растет за границей, во Франции. И про него отец говорит, что несмотря на все у него такое чувство, что он скоро вернется. Не являются ли эти дети символом эмиграции, молодого поколения, выросшего за границей, но оставшегося русским, которое неповинно в грехах отцов и дедов (профессора)? Для автора этих строк теплое упоминание об этих детях эмигрантских явилось, как бы неким благословением оттуда, ласковым приветом с родины, нам, молодежи.

А дочь от Лары, любимой и потерянной? Этот ребенок, может быть, являет-

*) Одна из неточностей прекрасной статьи Н. Кусакова в № 460 "Нашей Страны"; другая — доктор Живаго умирает через несколько лет по возвращении в Москву, а не по дороге туда.

Александра Воронцова

по черноморскому побережью

6. ЯЛТА, ЕЕ ПАРКИ И МУЗЕИ.

После восхитительного путешествия вдоль живописного побережья южного Крыма, наш теплоход под вечер приблизился к Ялте, которая после захода солнца виднелась в виде широкого амфитеатра, составленного из окружающих ее гор, обрамляющих полукругом город, дорогой мне, как память о Чехове, а моим спутникам известный, как место позорной капитуляции Черчилля и Рузвельта перед третированными их, как холоуев, Сталиным. Нам посоветовали ложиться пораньше спать по каютам, ибо с утра мы пойдем осматривать город. Действительно, уже в 8 часов мы встретили на палубе нового гида "Интуриста", который сразу приступил к пояснениям. Еще на палубе он нам показал, что старая Ялта составляет треугольник, основанием которого является набережная с портом, одной из сторон, поднимающихся в гору является протекающая к западу от города река Водопадная; с востока же город ограничен Кировской улицей, идущей вдоль долины речки Быстрой, впадающей в море на пути из Ялты в Массандру.

Пока шли формальности, неизбежные при посещении города иностранной делегацией или группой туристов, гид нам рассказывал, что Ялта возникла в древности, как византийская колония Ялты, затем стала татарским портом в период крымского ханства. После присоединения Крыма к России, живописный уголок начал заселяться русскими и в 1838 г. преобразован в город, соединенный шоссе с Симферополем. Молодой врач Сергей Петрович Боткин, впоследствии знаменитый, участвовавший в медицинском отряде при обороне Севастополя, посетил после перемирия Ялту и первый обратил вни-

манье на значение Ялты для лечения легочных больных: горы защищают Ялту от холодных северных ветров, а летом легкие ветерки смягчают утомительный для больных зной; здесь не бывает снега, почти нет туманов, солнечных дней в два раза больше, чем в Москве и в три раза больше, чем в Ленинграде; дождей в два раза меньше, чем на Кавказе; розы цветут даже в декабре. Город утопает в зелени акации, лавров, кипарисов и магнолии, везде пальмы и олеандры; вокруг виноградники и фруктовые сады; по склонам гор буковые и дубовые леса. Еще при Александре III город стал расти после проведения железной дороги от Москвы до Севастополя, откуда (так же, как и из Симферополя) ездили лошадьми (теперь автобусами) по прекрасному шоссе. В 1900 г. по почину врача-писателя А. П. Чехова, больного туберкулезом, открыт бесплатная санаторий для неизлечимых больных, ныне названный именем Чехова. Гид сообщил нам, что в 1861-73 г.г. здесь работал земским врачом украинский поэт Степан Руданский, переведший на украинский язык все произведения Пушкина и "Слово о полку Игореве". В 1876 г. приезжал сюда искать исцеления больной Н. А. Некрасов, кончивший в Ялте поэму "Кому на Руси жить хорошо"! Тут доживал свои грустные дни пораженный туберкулезом поэт Надсон. Ялту любил Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, артистка М. Н. Ермолова, певец Ф. И. Шаляпин, писатели В. В. Вересаев, К. Н. Станюкович, художники А. И. Куинджи и И. И. Левитан. Из советских писателей здесь подолгу жили В. В. Маяковский, драматург К. А. Тренев, автор драмы "Любовь Яровая", умерший в Ялте в 1948 г., и писатель П. А. Павленко, автор романа "Счастье"

(О послевоенном Крыме), умерший в 1952 году.

Сойдя с теплохода мы вышли из порта в Приморский парк, где наткнулись на обелиск со следующей надписью: "Прекрасные дома и особняки, которыми пользовались раньше крупные помещики и капиталисты, дворцы бывших царей и великих князей должны быть использованы под санатории и здравницы для рабочих и крестьян". Оказалось, что это лживое обещание — цитата из Ленинского декрета от 21-го декабря 1920 г., когда звероподобный Бела-Кун расстреливал массы населения только что покинутого войсками генерала Врангеля Крыма. На самом деле дворцы отданы для веселого времяпрепровождения советских вождей и их гостей типа Черчилля, Рузвельта, Торреса, Дмитрова и в прошлом году — Тито!

Идущая вдоль набережной улица называется Бульварной; она вся была взорвана при отступлении советских войск из Ялты осенью 1941 г. Гид нам сказал, что штаб советских войск помещался в гостинице "Россия", существовавшей еще до революции; Ялту пришлось так спешно оставить, что эвакуировать ее не было времени и в несколько часов советские саперы взорвали все дома, где находились военные и партийные учреждения; после войны улицу вновь построили и на месте "России" стоит гостиница "Южная"; мы прошли мимо "морского вокзала" и автобусной станции до городского сада. На первой же площади увидели открытый в 1953 г. стандартный памятник Ленину, который ставят во всех советских городах. В Приморском парке в 1956 г. поставлен памятник Горькому. Сейчас набережная продолжена за санаторием "Ореанда" мимо городского и лечебного пляжей. Проходя по ней, мы любовались шаровидными тиссами, китайским бересклетом и ленточной акацией; плотной стеной от-

ся символом советской молодежи, прошедшей через страшную действительность «социалистического реализма», даже через беспризорничество, не имеющей даже настоящей фамилии — «Безочередова», по догадкам, повидимому, «Безотчая» первоначально, но сохранившая чудесную русскую душу. Маленькие девочки от последней жены — это будущее, некие зародыши его, только.

А сам доктор Живаго, этот смешной, неуправляемый, юродивый и насквозь русский герой, по имени которого названа вся книга? Он, по-моему, символ России, во всяком случае какого-то отрезка ее существования. Россию обычно принято отождествлять с такой пышной красавицей в кокошнике и сарафане — вроде Малявинской бабы — но Пастернак и тут идет совсем новыми путями. В этом образе он, может быть, хотел до известной степени воплотить свое поколение, поколение выросшее в свободе дореволюционной России, но под влиянием левых идей, впитанных с молоком матери. Правда, у Живаго это влияние — разлагающее прогрессивной интеллигенции тогдашнего времени — в значительной мере парируется влиянием его дяди Николая Веденяпова. Влияние это очень сложное, запутанное, корнями своими восходящее ко всем философским течениям XIX и предшествующих веков. По словам автора, Веденяпин переболел «Толстовством», пережил революционный идеализм и ушел искать новых путей, которые и открылись ему в Православии, а через него открылись и Живаго, тогда еще мальчику Юре.

Трогательна молитва, в которой маленький мальчик Юра поминает свою умершую маму:

«Ангел-Хранитель, настави меня на стезю истины и скажи маме, чтобы она не заботилась обо мне. Если есть жизнь загробная, о Господи, прими маму в свои небесные селения, где лики праведников и угодников сняют, яко светила. Мама была такой хорошей, она, наверно, не была грешницей, помилуй ее, Господи, и не обреки ее на вечные муки».

Молитва эта созревает в его душе на лоне природы, в поэтическом уголке заброшенного парка, и заканчивается криком «Мама!» и обмороком.

И эта детская, непосредственная вера, потенциально теплится в нем всю жизнь, особенно ярко обнаруживаясь в последние годы существования.

Сначала чистая, детская вера мальчика Юры, потом сознательная и укре-

пленная размышлениями вера взрослого доктора Живаго, таков путь религиозного развития этого незаурядного человека.

Знаменательно и то, что книга начинается с описания похорон матери Юры и кончается смертью доктора Живаго. Только на этот раз не похоронами, они — вышли из моды за это время. Доктора Живаго сжигают и Лара думает о нем:

«Как жаль, что его не похоронят по церковному обряду. Заупокойная служба так величественна и торжественна! Это больше, чем большинство людей заслуживает по смерти, но это как раз то, что подходило бы к Юрочке. Он заслужил все это, он был в полной мере достоин слов «... надгробное рыдание творяще песнь. Аллилуйя!»

На всем протяжении книги ярко выступают эти христианские, религиозные настроения, которые противопоставлены материалистическому марксизму. Это приговор не коммунистической практике, которая, ведь, при известных обстоятельствах, может меняться, а — теории. Иными словами автор подходит к самой основе проблемы, смотрит в корень вещей. И видит бесплотную мать марксистской теории — регресса человечества. Понятно поэтому бешенство коммунистических палачей и подхальмов советской литературы — удар нанесен в самое чувствительное место и удар нанесен рукой опытного мастера, знающего то, о чем он пишет. Тут уже никакие ссылки на временные затруднения и на рай в будущем, после последней пятиметки, не помогут; показана несостоятельность самой системы, самого мировоззрения.

В чисто литературном плане нас поражает тот чудесный лирический тон, которым пропитано все произведение. Помню стихотворений самого Живаго, масса лирических мест в прозе слышатся даже при чтении перевода. И какая ирония судьбы, что с произведением, написанным на твоем родном языке, ты принужден познакомиться в переводе! Что поэтому можно сказать об языке автора? Это не советский язык (партийный жаргон), а язык русского классика, тот общий язык, на котором, очевидно, говорят интеллигентные русские люди и здесь и там.

Вся книга, может быть, поможет нам, молодому поколению, понять как это могло случиться, что нашу родину поработили, что мы живем в эпоху «марксистского ига». Так мастерски, так живо набросана эта картина дореволюционной жизни, на краю переворота, когда

жажда этого переворота, как зараза, витала в воздухе. Она заражала всех, но одни переболели (меньшинство, как дядя Живаго — Веденяпин), другие за нее шли умирать (и убивать других), третьи — переживали ее и ощущали потом ее страшную пустоту. Война и революция, преломленные в переживаниях и понимании, главным образом, одного человека и медленное выздоровление, но какая страшная жизнь потом, какое одиночество: лучшие друзья тебя не понимают, и мысли твои ты можешь высказывать только шепотом, вполголоса. Хам воцарился во всем, и в его царстве такие люди, как доктор Живаго — лишние. Доктор Живаго умирает молодым, умирает от сердечного приступа, но ясно, что он все равно не долго бы прожил — и для него нашлось бы место в тюрьмах и лагерях, которыми так щедро расплатился русский народ за свои грехи и преступления. Но доктор Живаго не ропщет — он несет все покорно; он непрактичен до юродства, он, если хотите, нелеп, теряется перед житейскими мелочами. В пору наибольшей своей зрелости, ему удается писать только урывками, а большей частью он принужден заботиться о пайках, или тащить ведрами воду к себе в комнату! Вот она, забота о человеке! И все-таки, книга отнюдь не пропитана пессимизмом; наоборот, даже под конец, в эпилоге, когда ясно, что все ожидания обмануты и никаких существенных изменений не произойдет, чувствуется что-то светлое и обнадеживающее. Это — вера в русскую душу, в то, что эту душу не удастся переделать, коренным образом изменить, даже и новому игу, как не удалось и татарскому. И с этой верой, действительно, можно жить.

Честь и слава русскому писателю, сумевшему сказать свое слово; его не забудет русский народ после освобождения.

Л. Башкирова

Д.Р.Б. — КАРЛОС КАЛЬВО 2851

Правление доводит до сведения, что традиционная Е Л К А состоится в помещении Д.Р.Б. в субботу 17 января 1959 г., в 18 час. с интересной детской программой.

Правление просит родителей заблаговременно, не позже 15 января, записать своих детей. Запись у Заведующего Домом и у Секретаря.

После 22 часов — Е Л К А — для взрослых. Танцы и веселая программа.

деляли нас от шоссе насаждения тамариска. Затем мы повернули по улице Литкенса. Гид сообщил, что это был заместитель наркома просвещения РСФСР, приехавший в 1922 г. отдыхать в Ялту и убитый вечером на этой улице скрывшимся «белогвардейцем». На этой улице мы прошли мимо театра им. Чехова. Нам показали также ул. Войкова — царевницы, павшего в Варшаве от карающей руки Бориса Каверды, о чем я потом рассказала моим спутникам, не зная, что посол в Варшаве был одним из убийц Царской Семьи. Гид нам сказал, что в юности Войков, по происхождению еврей из Керчи, вел в 1906-1907 г.г. в Ялте большевистскую подпольную работу. К Массандре ведет красивая улица им. Дражинского; раньше ее звали Массандровской, теперь ей дали имя арестованного на ней при Врангеле председателя подпольного Ревкома Дражинского, расстрелянного за организацию партизанщины и террористических актов.

Затем мы осмотрели Музей Краеведения, основанный еще задолго до революции врачом-климатологом В. Н. Дмитриевым; составленная им рельефная карта Южного берега Крыма очень интересна и показывает, как много было сделано для развития этого края еще до революции; интересны также документы и картины, посвященные борьбе русских князей против татарского ига в XIII-XV веках и походам русских войск на Крым при Петре, Андрее Иоанновне и Екатерине II, приведшим к его завоеванию. Интересно отметить, что этот отдел открыт только в 1946 г., когда, после выселения в Сибирь поголовно всех крымских татар, советская пропаганда стала их изображать в отрицательном свете за их содействие германским войскам в 1941-44 годах.

Затем мы проехали на пульмане к дому Чехова на Аутской улице; прош-

лись по посаженному самим писателем саду, в котором около 200 видов деревьев и кустарников, среди которых интересны субтропические, как эвкалипт и индийская сирень.

Работница музея нас повела сначала в гостиницу, в которой Чехов принимал гостей: Шалапина, Короленко, Левитана, Горького, весь состав артистов Художественного театра во главе со Станиславским. В соседней столовой висит большой портрет писателя; под ним три пальмовые ветви, перевитые муаровой красной лентой, напоминающие о приезде в апреле 1900 г. всей труппы Художественного театра для репетиции «Трех сестер» в присутствии больного автора, женившегося за два года перед тем на артистке Ольге Леонардовне Книппер. Больше всего впечатления произвел на нас кабинет Антона Павловича с письменным столом, за которым, сказала работница музея, были им написаны: «На святках», «В овраге», «Невеста», мой любимый рассказ «Архирей» и две драмы — «Три сестры» и «Вишневый Сад». На этом столе рядом с чернильным прибором лежат стетоскоп, молоточек и печать, на которой вырезано: «Врач А. П. Чехов». Против стола над камином картина Левитана: «Стог сена в лунную ночь», которую здесь в Ялте написал и подарил Антону Павловичу гостивший у него художник. В спальне писателя — кровать с белым покрывалом и рядом ночной столик, на котором стоит керосиновая лампа с зеленым абажуром и недочитанная книга «Исторического Вестника», за февраль 1904 г., которую читал в последнюю ночь перед отъездом с любимой дачи угасавший писатель, которого врачи зачем-то послали умирать в далекий Баденвейлер в Германии.

В музейно-биографической комнате собраны разные фотографии и документы из жизни писателя, которые береж-

но собирала всю жизнь его сестра Мария Павловна, издавшая еще в 1912-16 годах шесть лежащих здесь же на столе томов писем писателя. Она же хранила музей при сменявшихся в Крыму после революции властях. Его одинаково посещали деятели Белого движения, коммунистические вожди и немецкие журналисты и артисты, приезжавшие в оккупированную Ялту в 1941-44 г.г. Отмечу, что германские власти отнеслись с уважением к памяти писателя и ничего не увезли из экспонатов музея в Германию. Моим спутникам было предложено расписаться в книге посетителей, что мне позволило ее быстро перелистать. Случайно я напала на такую запись: «Доик А. П. Чехова напоминает о славном писателе нашей страны и надо, чтобы многие побывали в нем. Почитатель Чехова В. Молотов». Я спросила сотрудницу музея — типичную старую интеллигентку:

«Какие надписи сделали Ленин, Сталин и Хрущев?»

Смущенно она ответила, что они были так заняты государственными делами, что не бывали в Ялте. На мое замечание, что Сталин приезжал ведь сюда повидаться с Черчиллем и Рузвельтом, она ответила, что это было время военное, а потому все трое были сдвигом заняты войной, чтобы посетить музей. Из немцев в годы оккупации его посетили говоривший по-русски Розенберг и маршал Манштейн. Но их записей в книге посетителей нет!

В саду скамейка, на которой любил сидеть Чехов. С нее виден город и кусочек моря. Посетителям говорят, что отсюда любовались видом все приезжавшие сюда советские деятели, писатели, артисты.

«Молотов тоже на ней сидел?» — спросила я музейную сотрудницу.

«Да, но что о нем сейчас говорить», — с подчеркнутым презрением ответила она в присутствии подошедшего к

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый г-н редактор!

Прошу поместить на страницах Вашей уважаемой газеты следующее разъяснение по поводу очерка Александры Воронцовой, «По черноморскому побережью», помещенного в № 458 Вашей газеты.

Среди всех описаний города Севастополя, знаменитого своим историческим прошлым, советский гид остановил внимание автора очерка, А. Воронцову, на памятнике военному инженеру-генералу Тотлебену — герою обороны Севастополя, утверждая, что «какие-то, не в меру усердные немцы, приняли его за советского комиссара и отбили ему голову».

В интересах восстановления истины, могу с полной авторитетностью утверждать, что все сказанное по этому поводу советским гидом, является заведомой ложью, ибо в это время я находился в Крыму и знаю со слов лиц, проводивших всю кампанию в Севастополе, что перед самым занятием Крыма германской армией, выражаясь высоким советским слогом, «какие-то, не в меру усердные» советские комиссары, чтобы выслужиться перед начальством, распорядились не только отбить голову на памятнике, но и выбросить из склепа гроб с останками генерала Тотлебена — по их просвещенному мнению, такого же немца, как и те, что посягают на существование советской власти. С падением же Севастополя, немецким командованием было отдано распоряжение вновь водворить на место останки генерала Тотлебена, с отданием соответствующих воинских почестей, отремонтировать памятник, а также был приглашен православный епископ, отслуживший панихиду на могиле генерала.

По сведениям, поступившим впоследствии, с возвращением в Крым большевиков, был вновь повторен кощунственный акт надругательства над памятником и могилой Тотлебена, был ли этот акт осуществлен партизанами или регулярными частями Красной армии, утверждать не берусь.

Примите уверение в совершенном почтении

Л. Н. Каракаш

нам гида «Интуриста». — «Здесь еще в позапрошлом году сидел при посещении музея наш секретарь Крымского Крайкома того времени товарищ Дмитрий Степанович Полянский — теперь член президиума ЦК нашей партии и председатель совета министров РСФСР!» — добавила лояльная старуха, типичная старая школьная учительница, вступившая для закрепления себя в Чеховском музее на старости лет в ряды «нашей» партии и научившаяся в ней поклоняться очередному «вождю», о котором меня с недоумением спрашивали иностранные туристы, когда я им перевела ее ответ. Даже интересующиеся советскими делами иностранцы еще не знают этого нового любимца Хрущева, удельный вес которого в современной России понятен, однако, даже хранителям реликвий великого писателя.

В Ялте, как видят читатели, все прекрасное создано Творцом, подарившим русскому народу этот живописный уголок благодатного Крыма, который дорог всем, любящим и знающим хотя бы по переводам русскую литературу, памятью Чехова. Мои спутники просили меня перевести работникам музея, что все произведения Чехова переведены на итальянский язык и что в итальянских театрах ставят часто его драмы: «Вишневый Сад», «Три сестры», «Дядя Ваня», что порадовало этих скромных музейных работников-почитателей памяти писателя всемирно известного. Уже потом на теплоходе спутники узнали от меня, что Ялта памятна русским еще потому, что в ней величайшие Тартюфы западного мира Черчилль и Рузвельт подписали со Сталиным соглашение, по которому выдали на мучительную казнь столь известного в Италии (в переводе) другого великого русского писателя Петра Николаевича Краснова!

Александра Воронцова

ХРОНИКА НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ В ПАРИЖЕ

20 декабря 1958 г., в связи с Днем Тезоименитства Императора Мученика (19 декабря) Парижский Отдел Народно-Монархического Движения устроил в большом зале консерватории открытое собрание на тему: "Император Николай Александрович и Российская Государственность".

Собрание началось литней, отслуженной Владыкой Иоанном Архиепископом Брюссельским и Западно-Европейским. После литии Архиепископ Иоанн сказал краткое слово о нашей всеобщей вине в гибели России и Императора-Мученика и призвал к покаянию, без которого не может быть возрождения России. Последние слова Владыки были покрыты дружным исполнением хором и всеми присутствовавшими нашего величественного, государственного гимна: "Боже, Царя храни".

Затем председательствующий собрания А. П. Заустицкий в своем вступительном слове разъяснил внутреннее содержание русской национальной идеи и подчеркнул, насколько государственное дело и семейная жизнь Императора и Его Семьи была исполнена духом начала и следовала прямо, не уклоняясь и не страшась, по пути развития православного мировоззрения во внутреннем содержании национальной идеи.

Выступавшая после А. П. Заустицкого, член ПОНМД Е. Н. Макалинская, основываясь на документальных данных (переписка Императора с Императрицей-Матерью) талантливо и с чувством разъяснила слушателям как сложилась духовная жизнь последнего Русского Императора, насколько Он на самом деле, в противовес укоренившемуся мнению, был волевой и твердый христианин, как Он правильно понимал долг Русского Императора. По содержанию доклада была высказана мысль, которая является совершенно новым осмыслением причины отречения Императора. В одном из своих писем Императрице-Матери в период 1905 года Император пишет:

"Уже на улицах Петербурга, при столкновении двух враждебных манифестаций, происходят кровавые столкновения. Надо принять суровые меры, дабы не лилась русская кровь. Боже спаси Россию от гражданской войны".

Если перенести это положение в 1917 год, то становится ясно, что если бы Император не отрекся от Престола, то внутри России могла бы вспыхнуть гражданская война, что, при наличии ожесточенной внешней войны, привело бы Россию к гибели. Он все же верил, что

деятели Февраля не только болтуны и изменники. Император-Мученик для спасения России пожертвовал Собой и Своей Венценосной Семьей. Весь доклад иллюстрировался выдержками из переписки. Публика с напряженным вниманием выслушала доклад и горячо благодарил докладчицу.

Следующим выступал член ПОНМД Е. Т. Прокудин. Как человек детально изучающий русскую историю и развитие экономической мощи нашей страны, докладчик провел параллели между экономическим положением России до царствования Императора Николая Александровича и к концу Его царствования, подчеркнув, какими гигантскими шагами шло техническое развитие, несмотря на наличие тяжелой войны.

Последним выступал член ПОНМД И. Н. Владимиров. В своем докладе И. Н., подтверждая каждую свою фразу цитатами из трудов литераторов и публицистов (главным образом, известных иностранцев) и выдержками из современной той эпохи прессы, с предельной логикой разбивает все выпады клеветников России и на последнего Императора. В своем обзоре он не упускает случая привести и образцы работы и наших, отечественных хулителей на Христианский лик России.

Ввиду того, что Собрание затянулось до очень позднего времени, председательствующий закрыл его, отказавшись от заключительного слова.

Н. Н.

ДЕНЬ НЕПРИМИМОСТИ

в г. Монреале, Канада.

"Отче наш..." Затем гимн страны, приоткрывшей русскую эмиграцию. Далее — "Коль славен..." Льются торжественные звуки сборного хора под управлением талантливого регента Петро-Павловского Собора, А. А. Каминского. А затем г-н А. Д. Алпатов просит присутствующих почтить память всех, погибших в борьбе Русского народа с коммунизмом, во главе с одним из первоучеников за Россию, Государем и Его Августейшей Семьей. "Вечная память..." Скорбью за всех погибших наполняются сердца и у многих на глазах появляются слезы...

Так началось собрание в г. Монреале, 9 ноября 1958 года, созванное восемью Русскими Объединениями и посвященное Дню Непримируемости к коммунистическому режиму, поработившему нашу родину.

На сцене зала — Русский национальный и Канадский флаги, а в центре — большой плакат: "Россия не СССР".

СООБЩЕНИЕ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО СОЗДАНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА НАРОДНОЙ МОНАРХИИ

В виду предстоящего в ближайшем будущем образования Комитета Литературного Фонда Народной Монархии, Инициативная Группа считает себя распущенной.

Во изменение указания воззвания Инициативной Группы, напечатанного в № 457 газеты "Наша Страна", в се пожертвования в Фонд следует посылать на имя В. К. Дубровского в редакцию газеты "Наша Страна" через ее представителей на местах.

16 ноября 1958 г.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Хорошо подобранные темы докладов вполне удовлетворили собравшихся. Плакат "Россия не СССР" — являлся ведущей темой собрания. Выступавшие четыре докладчика, в своих интересных докладах, в совершенно новом освещении доказали это.

"41 год борьбы Русского народа с коммунистическим режимом" — докладчик г-н Покровский.

"Современная русская и советская литература" — докладчик проф. Плетнев.

"Война и коммунизм" — докладчик полк. Позняков.

И, наконец, волнующее стихотворение поэтессы г-жи О. М. Русской, прочитанное ею и посвященное русским женщинам, томящимся в советских концлагерях, в которых сама поэтесса провела пять лет.

Два с половиной часа прошли незаметно для присутствовавших, вызвав глубокое удовлетворение среди русской антикоммунистической общественности.

"Это понятно, — говорит А. Д. Алпатов, прощаясь с присутствовавшими. — Народно-Монархическое Движение в г. Монреале начало расти в последнее время, за счет второй, послевоенной эмиграции. Эти новые силы дают нам возможность шире вести работу и воспитать в молодом поколении эмиграции будущие кадры для свободной России".

Пожелаем успеха г-ну А. Д. Алпатову в его жертвенной работе на благо нашей дорогой Родины.

Присутствовавший

ОПЯТЬ РОКОВОЕ "НЕ"

Редакция "Нашей Страны" приносит глубочайшие извинения автору статьи "Международное положение и наши задачи" Подпоручику Г. и читателям газеты за новый недосмотр, в результате которого искажен смысл целой фразы. Редакция просит г.г. читателей исправить досадную опечатку на стр. 5-й номера 467-го "Нашей Страны", где в первой колонке на 9 строке пропущено "НЕ". Фразу, начинающуюся на 6-й строке, следует читать так:

Американские переводчики из числа "американцев русского происхождения" могут оказаться НЕ лучше, если принять во внимание, сколько в их рядах недавних, а может быть, и теперешних большевиков.

Редакция

ЗАЛ "ЦЕНТРО МОНТАНЬЕЗ"

ул. Х. Ньюбери, 2818

11 января 1959 года в 4 ч. 30 м. дня Сретенское Сестричество при Кафедральном Соборе Воскресения Христова устроивает

БОЛЬШОЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК ЕЛКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Подарки — Игры — Сюрпризы
Для молодежи ТАНЦЫ после елки

Лотерея

(половина билетов выигрывает)

Аукцион — Буфет

На покрытие расходов взрослые при входе платят 5-10 песо. Предварительная запись детей до 15 лет включительно у сестер и по праздникам — при Соборе.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВИТЯЗЕЙ

открывает
ПЯТЫЙ ЛАГЕРЬ "РУСЬ"

на собственном участке в Кордобе,
в местечке "Ла Болса"

Групповая поездка. Обильная пища.
Опытный персонал.

Открытие лагеря 20 января 1959 г.
на один месяц

Количество мест ограничено.
Пребывание в лагере — \$30 в день.

Запись у Нач. Округа гр. Уварова
по субботам и воскресеньям в Соборе,
или вечером на дому, Ескабар
2542 кв. 5, и у Нач. Лагерь рук.
М. Арцимовича вечером на дому
Аристуло дел Важе 1709, Висенте
Лопес, тел. 795.2591.

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН
НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ
НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

именки.
положите документы Солоневича
не поедет.

лучил минуту и как-то неловко и
Он поднял голову от бумаг, по-
анным, вопросительно-ироническим
невич.

собственно, линию вел товарищ

Одно время, когда начали сры-
меньше, потом, когда Якименко
списки людей, которых Чекалин
снял с эшелонов — работа опять
риод времени со мною случилось
тяжкое, но как-то очень уж глу-

заклоченных на работы, и вече-
шными палатками маячили десятки
бятишек, выпрашивавших всякие
люди смотреть на этих детей "воль-
чем даже мы, каторжники, ибо
получали каждый день, а крестьяне
ли.

ведывал Юра. Он ходил за хлебом
ь распределителя лагерных обед-
а огромная, литров на десять, ал-
была участницей уже двух наших
и участвовала и в третьей. В эту
оставалось от лагерных щей во

всей нашей палатке. Щи эти обычно варились из гнилой капусты
и селедочных головок — я так и не узнал, куда девались селед-
ки от этих головок... Немногие из лагерников отваживались есть
эти щи, и они попадали детям. Впрочем, многие из лагерников
урывали кое-что из своего хлебного пайка.

Я не помню, почему именно все это так вышло. Кажется,
Юра дня два-три подряд вовсе не выходил из УРЧ, я — тоже,
наши соседи по привычке сливали свои обеды в нашу кастрю-
лю. Когда однажды я вырвался из УРЧ, чтобы пройтись — хотя
бы за обедом — я обнаружил, что моя кастрюля, стоявшая под
нарами, была полна до краев, и содержимое ее превратилось в
глыбу сплошного льда. Я решил занести кастрюлю на кухню,
поставить ее на плиту и, когда лед слегка оттает, выкинуть всю
эту глыбу вон и в пустую кастрюлю получить свою порцию каши.

Я взял кастрюлю и вышел из палатки. Была почти уже ночь.
Пронзительный морозный ветер выл в телеграфных проводах и
засыпал глаза снежной пылью. У палаток не было никого. Стайки
детей, которые в обеденную пору шныряли здесь, уже разошлись.
Вдруг какая-то неясная фигурка метнулась ко мне из-за сугроба
и хриплый, застуженный детский голосок пропищал:

— Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай!..

Это была девочка, лет вероятно одиннадцати. Ее глаза под
спутанными космами волос блестели голодным блеском. А голо-
сок автоматически, привычно, без всякого выражения, продолжал
скулить:

— Дяденька, да-а-а-ай!

— А тут — только лед.

— От щей, дяденька?

— От щей.

— Ничего, дяденька, ты только дай... Я его сейчас, ей Богу,
сейчас... Отогрею... Он сейчас вытряхнется... Ты только дай!

В голосе девочки была суетливость, жадность и боязнь от-
каза. Я соображал как-то очень туго и стоял в нерешительности. Де-

вочка почти вырвала кастрюлю из моих рук... Потом она распахнула
рванный зипунишко, под которым не было ничего — только тор-
чали голые острые ребра, прижала кастрюлю к своему голому
тельцу, словно своего ребенка, запахнула зипунишко и села на
снег.

Я находился в состоянии такой отупелости, что даже не попы-
тался найти объяснения тому, что эта девочка собиралась делать.
Только мелькнула ассоциация о ребенке, о материнском инстинк-
те, который каким-то чудом живет еще в этом иссохшем тельце...
Я пошел в палатку отыскивать другую посуду для каши своей на-
сущной.

В жизни каждого человека бывают минуты великого униже-
ния. Такую минуту пережил я, когда, ползая под нарами в по-
исках какой-нибудь посуды, я сообразил, что эта девочка соби-
рается теплом изголодавшегося своего тела растопить эту полу-
пудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной — но все же
пищи. И что во всем этом скелетике — тепла не хватит и на чет-
верть этой глыбы.

Я очень больно ударился головой о какую-то перекладину
под нарами и, почти оглушенный от удара, отвращения и ярости,
выбежал из палатки. Девочка все еще сидела на том же месте
и ее нижняя челюсть дрожала мелкой, частой дрожью.

— Дяденька, не отбирай! — завизжала она.

Я схватил ее вместе с кастрюлей и потащил в палатку. В
голове мелькали какие-то сумасшедшие мысли. Я что-то, помню,
говорил, но думаю, что и мои слова пахли сумасшедшим домом.
Девочка вырвалась в истерию у меня из рук и бросилась к вы-
ходу из палатки. Я поймал ее и посадил на нары. Лихорадочно,
дрожащими руками я стал шарить на полках, под нарами. Нашел
что-то обеды, пол пайка Юриного хлеба и что-то еще. Девочка
не ожидала, чтобы я протянул ей их. Она судорожно схватила
огрызок хлеба и стала запихивать себе в рот. Пр ее грязному
личико катились слезы еще не остывшего испуга.

Дневник наблюдателя

НОВОГОДНИЕ ЗАМЕТКИ

С какими вестями пришел Новый — 1959-ый — Год?

Страны Западной Европы провели реформу экономических денежных отношений. Предоставим специалистам, оснащенным техническими знаниями в области экономики и финансов, дать анализ реформы. Отметим лишь то, что по отзывам газет эта реформа, облегчающая размен денег, послужит к дальнейшему сближению стран и облегчит товарообмен между ними, а следовательно, и дальнейшее развитие промышленности. В Сев. Америке эту реформу назвали "крупным шагом вперед". Куда именно "вперед" — не сказано.

Антисоветское восстание в Китае ширится. Им захвачены также провинции Квангси и Квеллин. В Шанхае большая волна арестов. Не успокаивается и положение в Тибете, где число павших в боях достигает 70.000.

Итог обстрела прибрежных островов в Тайванском проливе: коммунисты выпустили 649.197 снарядов. Националисты сбили 31 самолет МИГ-17 и повредили 12. Потоплено 38 военных судов, повреждено 83 судна разного тоннажа и по непроверенным данным потоплено еще 26 военных судов коммунистов. Коммунисты продолжают обстреливать Кемей через день.

В Зап. части Берлина арестован д-р Курт Вернер, бежавший из коммунистической части города и принятый на работу в Лиге Свободных Юристов. Он обвиняется в провокационной деятельности в пользу коммунистической стороны.

Существует мнение, что в недалеком будущем можно ждать проведения показательного процесса против Маленкова.

Президент Аргентины, д-р А. Фрон-

дис, объявил о вступлении в силу с 1-го января с.г. новой экономической программы:

1. Полная свобода внешней торговли.
2. Полная свобода котизации национальной денежной единицы в зависимости от спроса и предложения.

3. Некоторые предметы экспорта и импорта будут облагаться особыми сборами. Для импорта — от 20 до 300 %, для экспорта — от 10 до 20 %.

4. Кредиты будут отпускатся только на производственные нужды.

5. Объявляется полная свобода цен, за исключением цен лишь на отдельные предметы первой необходимости. Прекращаются все субсидии, не исключая и таковых на горючее.

6. Проводится резкое сокращение штатов в государственных учреждениях. Все вакантные места упраздняются.

7. Повышается шкала внутреннего налогового обложения.

8. Общественные работы, не имеющие крайней необходимости, прекращаются.

9. Государственные предприятия лишаются субсидий.

Ожидается, что в результате проведения этих мер Аргентина в 1959 г. избежит дефицита в 50 млн. песо.

Ожидается также, что общая сумма кредита, предоставляемого Аргентине Соед. Штатами достигнет 329 млн. дол.

Подписан договор между ОАР и СССР, предусматривающий кредит в сумме 400 млн. рублей на постройку плотин в Асване. Со стороны СССР договор подписал П. Никитин, заместитель председателя Совета Министров по вопросам внешних экономических отношений, и посол СССР в Каире. Со стороны ОАР — вице-президент маршал Абдель Хаким Гамер. Почему Насер уклонился от подписания договора?

Ведется подготовка к торжествам по поводу столетия Суэцкого канала. Работы по его постройке были начаты в апреле 1859 года.

Советский Союз уже получил ответные ноты от САСШ, Англии, Франции и Зап. Германии по вопросу о превращении Берлина в "свободный город". Все страны единодушно отвергают право СССР проводить свое решение односторонне и настаивают на своих правах и обязанностях по отношению к Берлину. Берлинская проблема может решаться только в плане решения всей Германской проблемы.

С каждым днем повышается напряжение чайний, связанных с визитом Микояна в САСШ. Он прибывает в Нью-Йорк в воскресенье, 3-го января. Предполагают, что Микоян сыграет роль примирителя и если не прекратит, то приостановит ход часов адской машины, подложенной хрущевским ультиматумом под дело мира во всем мире. Если миссия Микояна в этом смысле не увенчается успехом, то тиканье хрущевских часов вызовет взрыв берлинской бомбы в мае месяце, когда истека-

ет срок, поставленный им для эвакуации города войсками стран западных союзников.

Иностранные наблюдатели время от времени выступают с малозначительным лепетом, комментируя конференцию в Женеве. Эта конференция все еще не отложила попечение о решении вопроса предупреждения неожиданных нападений одной страны на другую, а также и вопроса о прекращении атомных испытаний.

Константинопольский Вселенский Патриарх Афинагор обратился к своему Синоду с новогодней речью, в которой он чрезвычайно похвально отозвался о личности нового Римского Папы Иоанна XXIII. В этой речи Патриарх Афинагор откликнулся на декларацию папы Иоанна, касавшиеся единения всех христиан, изъявив готовность сотрудничать с римско-католической церковью.

Произошел переворот на о. Куба. Давно стоявшая наготове армия д-ра Фиделя Кастро, представляющая недовольных правлением президента Фульхенсио Батиста, в последние дни года начала военные действия. Разгорелись ожесточенные бои, в которых восставшие имели решительный успех. Ф. Батиста вручил правление страной Военному Совету и удалился с политической арены. Временно занимающим пост президента оказался д-р Карлос Пьедрас. Восставшие под руководством Фиделя Кастро занимают господствующее положение в стране и требуют полного удаления соучастников власти Ф. Батиста. В Гаванне происходят уличные бои, число жертв которых достигает 500, включая 50 убитых. Повсюду пожары. В большей части посольств и консульств Кубы в разных городах мира послы и персонал переходят на сторону Ф. Кастро или сдают дела его сторонникам.

В Буэнос-Айресе падение Батиста встречено с глубоким удовлетворением, как падение еще одного диктатора. Аргентинец, д-р Э. Гевара являющийся правой рукой Фиделя Кастро, — герой дня. На митинге, по поводу событий на Кубе с речами, выражающими радость, выступали бывший Президент Арамбурю и ген. Рохас. Отец д-ра Э. Гевара отклонил обвинения его сына в том, что тот коммунист. Отец д-ра Гевара определил победу Ф. Кастро на Кубе, как победу сил демократии, которая обеспечивает свободу поработенным народам и покончит со всеми видами диктатуры.

Национальная Организация Витязей (НОВ) и Организация Российских Юных Разведчиков (ОРЮР) устроят в помещении ОРЮР (Хосе Эрнандес 2665, Оливос) в субботу, 10 января 1959 г., в 17 ч. Е Л К У

Спектакль. Подарки. Игры. Предварительная запись: А. Баумгартен — 32-9555 (от 13-14 ч.) М. Арцимович — 795-2591 (от 20-21 ч.) С. Мамонтов — 740-7775 (от 10-12 ч.) и у графа Уварова — лично.

ет срок, поставленный им для эвакуации города войсками стран западных союзников.

Иностранные наблюдатели время от времени выступают с малозначительным лепетом, комментируя конференцию в Женеве. Эта конференция все еще не отложила попечение о решении вопроса предупреждения неожиданных нападений одной страны на другую, а также и вопроса о прекращении атомных испытаний.

Константинопольский Вселенский Патриарх Афинагор обратился к своему Синоду с новогодней речью, в которой он чрезвычайно похвально отозвался о личности нового Римского Папы Иоанна XXIII. В этой речи Патриарх Афинагор откликнулся на декларацию папы Иоанна, касавшиеся единения всех христиан, изъявив готовность сотрудничать с римско-католической церковью.

Произошел переворот на о. Куба. Давно стоявшая наготове армия д-ра Фиделя Кастро, представляющая недовольных правлением президента Фульхенсио Батиста, в последние дни года начала военные действия. Разгорелись ожесточенные бои, в которых восставшие имели решительный успех. Ф. Батиста вручил правление страной Военному Совету и удалился с политической арены. Временно занимающим пост президента оказался д-р Карлос Пьедрас. Восставшие под руководством Фиделя Кастро занимают господствующее положение в стране и требуют полного удаления соучастников власти Ф. Батиста. В Гаванне происходят уличные бои, число жертв которых достигает 500, включая 50 убитых. Повсюду пожары. В большей части посольств и консульств Кубы в разных городах мира послы и персонал переходят на сторону Ф. Кастро или сдают дела его сторонникам.

В Буэнос-Айресе падение Батиста встречено с глубоким удовлетворением, как падение еще одного диктатора. Аргентинец, д-р Э. Гевара являющийся правой рукой Фиделя Кастро, — герой дня. На митинге, по поводу событий на Кубе с речами, выражающими радость, выступали бывший Президент Арамбурю и ген. Рохас. Отец д-ра Э. Гевара отклонил обвинения его сына в том, что тот коммунист. Отец д-ра Гевара определил победу Ф. Кастро на Кубе, как победу сил демократии, которая обеспечивает свободу поработенным народам и покончит со всеми видами диктатуры.

Агентство "Ассошиейтед Пресс" сообщает из Москвы, что гигантский снаряд, запущенный Советским Союзом в направлении на луну, в ночь на 3-е января приблизился к ней. Однако, в результате непредвиденного расхождения траектории от его траектории, вместо прямого попадания в луну, снаряд продолжает свой полет в космическом пространстве. Радио Москва сообщает, что 14 сего января снаряд достигнет максимально возможной близости к солнцу и превратится в первую искусственную планету, эллиптическая орбита движения которой в своем большем диаметре будет иметь 3.475.700.000 километров в течение 15 месяцев.

Стоит ли говорить о том, что в Москве пишут о том, что только социалистическая система оказалась способна выполнить такую задачу. Как реагирует на это истощенный советский обыватель, дети посланные на целину, закабаленные колхозники, школьники, вместо книги получившие в руки пилльичи и кувалду?.. Может быть, об этом расскажет в проповеди митр. Николай Ярушевич?

Американский пастор Хикс, недавно побывавший в СССР, сообщает, что там во всех проповедях говорят, что Христос был величайшим коммунистом. По его наблюдению — русские очень слабо откликаются на такую "церковную" проповедь.

Американский пастор Хикс, недавно побывавший в СССР, сообщает, что там во всех проповедях говорят, что Христос был величайшим коммунистом. По его наблюдению — русские очень слабо откликаются на такую "церковную" проповедь.

Американский пастор Хикс, недавно побывавший в СССР, сообщает, что там во всех проповедях говорят, что Христос был величайшим коммунистом. По его наблюдению — русские очень слабо откликаются на такую "церковную" проповедь.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina
Телефон 52-7426

Прием у редактора только по предварительному соглашению по телефону.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 3400
Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogaley, Correio Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B.
San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E. 14-th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str. Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 2, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg, Postfach 142

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 24, Athènes.

Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdam-sche Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q.-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str. South Wentworthville, N.S.W.

ЦЕНА НОМЕРА В АРГЕНТИНЕ — \$ 4.50

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. цент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр., Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за 3 д е с я т ь номеров вперед.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАША СТРАНА"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ
(издание четвертое)
выходит отдельными выпусками
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК
ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
Цена 1 ам. доллар.

Принимается предварительная подписка на все шесть выпусков
Цена 5 дол., в Аргентине — \$ 150.

ВНИМАНИЮ г.г. ПОДПИСЧИКОВ!

Ввиду полной невозможности справляться с текущей работой и острой необходимостью сокращения расходов, контора газеты должна отказаться от принятой нами системы подтверждения получения подписной платы в форме писем и ограничиться в будущем лишь соответствующим изменением цифр, поставленной красными чернилами на бандероли каждого номера газеты. Мы очень просим г.г. подписчиков внимательно следить за этими цифрами, указывающими срок окончания подписки и в случае какой-либо неточности извещать контору газеты немедленно.

Вышеизложенное не касается наших подписчиков во Франции и в Бразилии, где учет подписной платы ведется представителями Редакции.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "РУСЬ"

ШЕСТОЙ ТОМ ИСТОРИИ
РУССКОГО МАСОНСТВА
вышел из печати

Содержание: Почему Николай I запретил в России масонство? Русская Европа к началу царствования Николая I. Масонские и интеллигентские мифы о Петербургском периоде русской истории. Враг масонов № 1 (Масоно-интеллигентские мифы о Николае I).

В Аргентине 60 песо. В САСШ и Канаде 3 доллара. Лица, покупавшие до сих пор наши книги в книжном магазине В. Камкина (Вашингтон) и Л.Рубанова (Бразилия) могут выписать 6-ой том непосредственно от издательства. Могут выписать необходимые им книги и лица живущие в Англии и покупавшие первые тома в закрытом ныне магазине Барачевского. Письма и заказы адресовать: М. Tamarzeff, Casilla Correo No 4, Villa Ballester, FNGBM, Argentina.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
"НАША СТРАНА"
И КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА"
В БУЭНОС-АЙРЕСЕ

продаются:
в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;
в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (ул. Нуньес, 3541);
в Киоске Б. Н. Ряснянского при церкви на Облигадо 2130;
у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;
на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.

КАЛЕНДАРИ

Зарубежного Союза Инвалидов
на 1959 год

прибыли и поступили в продажу во всех местных киосках — г.г. Вербицкого, Ряснянского, Клобукова и в церкви на ул. Альвеар в Вижа Бажестер, в храме Св. Троицы — ул. Бразиль 315, а также и в книжных магазинах бр. Лашкевич и М. Тамарцева.

Правление
Союза Русских Белых
Военных Инвалидов
в Аргентине